

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-2-79-94

УДК 81'373.2

СЕМАНТИКА ИМЕННЫХ ГРУПП ПОЭТОНИМОВ И ИХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Рыбакова А.А.

Цель. *Статья посвящена проблеме изучения поэтонимов как пласта именных лексем русского языка, употребляемых в художественных произведениях. Предметом анализа выступают имена собственные, которые являются неотъемлемым компонентом семантико-стилистической системы словоупотребления эпиграммистов. Автор ставит целью раскрыть роль поэтонимов в организации семантического пространства текста русских эпиграмм.*

Метод или методология проведения работы. *Основным методом исследования является описательный с непосредственным наблюдением и интерпретацией языковых фактов. Он позволяет наглядно показать зависимость употребления поэтонимов от целевого назначения жанра эпиграммы.*

Результаты. *Результаты работы заключаются в том, что автор проводит семантический анализ имен собственных в текстах эпиграмм и показывает эволюцию жанра в использовании поэтонимов: обобщенные имена лиц с определенными нравственными недостатками сменяются каламбурно обыгрываемыми реальными именами и фамилиями адресатов.*

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть применены в практике преподавания стилистики русского языка, истории русского литературного языка, в спецкурсах по языку художественно-словесных жанров, в лингвистическом анализе художественного текста.*

Ключевые слова: *семантика; имя собственное; поэтоним; целевое назначение; эпиграмма.*

SEMANTICS OF POETONYMS AND THEIR FUNCTIONAL FEATURES IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Rybakova A.A.

Purpose. *The article is devoted to the issue of studying poetonyms as a vocabulary of nominal lexemes in Russian artistic texts. The subject of analysis is the proper names as an integral component in the semantic-stylistic system of the authors of epigrams. The researcher aims to disclose the role of the poetonyms in the organization of the semantic space of the Russian epigrams.*

Methodology. *The main method of investigation is the narrative one with the direct observation and interpretation of linguistic facts. It makes it possible to show the dependence of choosing poetonyms on the purpose of the epigram as a genre.*

Results. *As a result of the study, the author makes a semantic analysis of the proper names in the epigrams and shows the evolution of the genre in using poetonyms, i.e., generalized names of persons with certain moral flaws are replaced by punning games with real names and surnames of addressees.*

Practical implications. *The results of the study can be applied in the practice of teaching stylistics, history of the Russian literary language, special courses on the language of artistic and verbal genres, linguistic analysis of the literary texts.*

Keywords: *semantics; proper name; poetonym; function; epigram.*

В процессе сознательного овладения языком люди с давних времен давали имена предметам, явлениям окружающей действительности, событиям и, конечно же, окружающим живым существам. В имени заложено нечто большее, чем «название» человека, в нем имеется определенный смысл. Имена собственные позволяют проследить изменения в системе языка, обусловленные историческими, социальными и культурными событиями, характерными для общества.

Проблема изучения имен собственных является одной из наиболее актуальных в современной лингвистике, так как имена играют важную роль в жизни человека. Имя люди получают с самого рождения и носят его всю жизнь. Проблемой изучения ономастической лексики занимались многие лингвисты (О.И. Фоякова, Н.И. Формановская, Н.Д. Арутюнова, А. В. Суперанская, Ю.А. Карпенко и другие), которые выделяли имена собственные из группы именных лексем средствами лингвистики с привлечением логики. В настоящее время возникают новые направления в исследовании имен собственных и их функциональных возможностей в разных сферах человеческого общения, что обусловлено современными тенденциями языкознания в совокупности с общекультурной ситуацией в мире.

Имена существительные в русском языке подразделяются на имена собственные и имена нарицательные с точки зрения принадлежности к лексико-грамматическим разрядам. По сравнению с нарицательным собственное имя является вторичным наименованием. Кроме этого, имя нарицательное является наименованием как одного предмета, так и целого класса, к которому этот предмет относится. Имя собственное имеет более тесную связь с объектом, так как он индивидуализируется при назывании.

Важными функциями имен собственных в языке в целом и в художественном тексте, в частности, считают номинативную, идентификационную и дифференцирующую функцию. Некоторые исследователи полагают, что языковые (денотативные) функции онимов в художественном тексте становятся вторичными [3; 4; 10].

В литературной ономастике имена собственные в функциональном плане изучаются в двух направлениях. О.И. Фоякова, В.И. Супрун в своих исследованиях опираются на лингвистику текста, где основной функцией имени собственного выступает текстообразующая, проявляющаяся на уровне контекста [9; 10]. По мнению представителей данного направления, имена собственные в художественном тексте выступают в качестве ключевых слов, при этом формально и содержательно организуя цельное, связанное и завершенное текстовое пространство. Другое направление в изучении функций

имен собственных в художественных текстах (в работах В.В. Виноградова, Ю.А. Карпенко, В.М. Калинкина) идет от основных положений поэтики и стилистики [1, 2]. Имена собственные выполняют стилистическую (поэтическую) функцию что обуславливает исследования выразительных возможностей ономастической лексики.

По определению О.И. Фоянковой, онимы как «универсальная функционально-семантическая категория имен существительных» – это «особый тип словесных знаков, предназначенных для выделения и идентификации единичных объектов (одушевленных и неодушевленных), выражающих единичные понятия и общие представления об этих объектах в языке, речи и культуре народа» [10, с. 21].

Онимы могут отражать особенности культуры того или иного этноса, при этом культурно-исторический потенциал в одних именах проявляется ярче, в других менее интенсивно. Признание лексического значения у имен собственных в совокупности с культурным отражением позволяет говорить о способности ономастической лексики обладать дополнительным коннотативным значением, отражающим историко-культурную специфику.

В рамках настоящего исследования мы рассматриваем оним как смыслопорождающий и текстообразующий функционально-семантический словесный знак. Все типы отношений – денотативное, сигнификативное и структурно-языковое – могут проявляться в именах собственных, но их качество совершенно иное по сравнению с компонентами значения нарицательных слов. Семантика ономастических лексем может варьироваться за счет их способности приращивать речеконтекстные, ассоциативные и фоновые значения: на денотативно-сигнификативный аспект наслаивается коннотативный аспект.

В настоящее время одним из приоритетных ракурсов рассмотрения и изучения ономастической лексики является поэтическая ономастика, или иначе – онамапоэтика, сосредоточенная именно на лингвистическом ракурсе изучения специфики ономастических единиц и закономерностей их функционирования в художествен-

ном тексте. В научной литературе за исследованиями подобного рода в лингвистике еще не закрепились единого определения, поэтому термины «поэтическая (литературная) ономастика», «поэтонимология», «поэтика онаима», «стилистическая (литературно-художественная) ономастика» употребляются как синонимичные. При этом предметом поэтической ономастики являются имена, используемые в литературных произведениях, в художественной речи – поэтонимы.

Анализируя собственные имена, используемые писателями в художественных произведениях, лингвисты употребляют термины «имя» или «имя собственное», а литературоведы – «имя действующего лица», «имя персонажа». При этом и те, и другие считают, что точный выбор имени собственного для героя определяет смысловую и эмоционально-экспрессивную тональность текста в целом, а также позволяет выявить стиль языковой личности самого автора. Поэтому выявление функциональных особенностей поэтонимов в художественном тексте способствует глубокому и детальному пониманию авторского замысла.

Лингвист В.А. Никонов предлагает следующее определение: «Имя персонажа – одно из средств, создающих художественный образ, оно может характеризовать социальную принадлежность персонажа, передавать национальный и местный колорит, а если действие происходит в прошлом, то воссоздавать историческую правду (или разрушать ее, если имя выбрано вопреки правде)» [6, с. 237]. В данном определении ученым признается тесная связь имени собственного в художественном произведении с обществом и общественными условиями, но не уточняется его специфика в структуре и содержании художественного текста.

Существует и другой термин для обозначения собственных имен в художественном тексте – литературный антропоним, указывающий на личные собственные имена персонажей произведений. Позже в науке появился универсальный термин «поэтоним», соотносимый со всеми разрядами имен собственных в художественном тексте. В «Словаре ономастической терминологии» он определяет-

ся как «имя в художественной литературе, имеющее в языке произведения, кроме номинативной, характеризующую, стилистическую и идеологическую функции» [7, с. 108]. Поэтическая ономастика выступает как новое направление исследования текста, развивающееся на стыке ономастики, лексической семантики, лингвистики текста, стилистики и поэтики.

Проблемой классификации имен собственных в художественных текстах занимались В.Н. Михайлов, К.Б. Зайцева, Л.М. Щетинин, О.И. Фоякова, М.В. Карпенко, но их работы касались исследования конкретных литературных текстов без учета их жанрово-стилистической специфики. На наш взгляд, следует обратить внимание, в первую очередь, на целевое назначение текстов той или иной жанровой принадлежности. На уровне стилистической структуры текста и его семантической организации целевое назначение жанра проявляется в заданной им экспрессивно-оценочной окрашенности, которая определяет отбор и употребление в художественном тексте языковых средств.

Изучая особенности употребления поэтонимов авторами эпиграмм XVIII – XIX веков, можно установить, что целевое назначение сатирико-юмористического жанра эпиграммы – выразить негативное отношение к адресату посредством специальных приемов. Комическая характеристика создается либо открытым обличением пороков и недостатков адресата, либо посредством иронической насмешки. Это объясняет широкое использование в текстах данного жанра специально создаваемых эпиграммистами поэтонимов, содержащих отрицательную оценочность.

Так, при анализе эпиграмм XVIII века выделим частотность собственных имен-дериватов, обобщенно называющих отрицательные человеческие качества: Глупон, Подлон, Крадон, Скрыгин. Такие поэтонимы обладали функцией семантической характеристики персонажей. Например, в эпиграммах П.П. Сумарокова встречаются «Глупонов», «Глупон», «Скрыгин»: *Битобе славную поэму сочинил, //И всех читателей он ею прослезил. //А ты, Глупонов, нам в пять пуд поэму сбрыкал, //Но от твоей один лишь только Цензор плакал* (П.П. Сумароков); *«В природе смерти нет!» – так Гердер говорит.*

//Но мнения сего он, верно б, не держался, //Когда с Глупоном бы спознался, //Который хоть кого в минуту уморит (П.П. Сумароков); *Случилось Скрягину на проповеди быть. //Поддействовала в нем святая благодетель; //Кричит наш Скрягин: «Как изящна милостыня! //И я с сего часа пойду ее — просить»* (П.П. Сумароков). Все рассматриваемые тексты эпиграмм взяты из сборника, подготовленного В.Е. Васильевым, М.И. Гиллельсоном, Н.Г. Захаренко [8].

Подобные поэтонимы, несущие семантическую характеристику, находим в эпиграммах других авторов: *Чем хвастаешь, Подлон, то предков есть награда. //Хвались, что от тебя твои примут чада* (Неизвестный автор); *Пред взводом шествуя, тем чванится Подлон, //Что слышит за собой двух барабанов звон. //Но что ж народу те вещают барабаны? //Что, задом идучи, он вышел в капитаны* (Неизвестный автор); *О, как умен Крадон! //Все в свете знает он! //Заговори о чем – сентенция готова; //Его иль нет – о том ни слова* (Б.К. Бланк). Такие описательные имена дают прямую обличительную характеристику их носителей.

Возможны и прозвища адресатов, образованные сложением корней: *Не грубостью своей меня ты огорчаешь, //Но ласки, Стиховраль, несомны мне твои. //За что меня в твоё семейство ты вмещаешь? //Ну, пусть я и урод, да не твоей семьи* (В.В. Капнист); *Напрасно Стихобред сказал, //Что братом уж давно осла я почитал. //Я, право, побожуся, //Что в жизнь осла и не видал, //А в правде сей пошлюся //На Стихобреда самого: //Пускай он скажет сам, где видел я его?* (В.В. Капнист); *Начальник Взяткобрач отставку получил //И скоро с деньгами в столицу прикатил, //И где чрез полгода приезжего встречает, //Он говорит: «У вас, чай, тужат обо мне?» //— «Губерния, – приезжий отвечает, //По милости твоей вся плачет и рыдает!»* (Д.И. Хвостов); *Злорад творцов живых поносит, //А мертвых до небес возносит. //Но чтоб ту честь иметь, //Никто не хочет умереть* (Неизвестный автор). Эти поэтонимы создавались эпиграммистами для усиления экспрессии имени собственного за счет семантически необычной словообразовательной структуры лексемы.

Негативная экспрессия могла закрепляться авторами за непроизводными именами древнегреческого происхождения: *Какое сходство Клит с календарем имеет? //Он лжет и не краснеет* (П.П. Сумароков); *Ты правду, Клит, сказал, //Что ум наш очень мал, //Что он лишь скуку доставляет, //А пользы нет в нем никакой! //На это всяк согласие изъясляет, //Кто мало хоть знаком с тобой* (Н.Ф. Остолопов).

Эпиграммисты XIX века реже прибегали к высмеиванию адресата через его отрицательные качества. Они использовали новый прием осмеяния противника: имена собственные, принадлежащие реально существующим историческим деятелям, превращались в авторские поэтонимы. Это делалось для усиления иронической или саркастической экспрессии имени адресата эпиграммы. Содержание каждого поэтонима определялось соотносительностью его как с реальной личностью, так и с созданным художественным образом.

Например, в эпиграммах поэтов XIX века имя и фамилия их современника Фаддея Булгарина претерпевают каламбурную трансформацию в Видок Фиглярин: *Не то беда, что ты поляк: //Костюшко лях, Мицкевич лях! <...> //Беда, что ты Видок Фиглярин* (А.С. Пушкин). Полемика Булгарина с Пушкиным и другими литераторами велась на страницах журнала «Северная пчела». П.А. Вяземский первым назвал Булгарина «Фиглярин» еще в 1825 году в стихотворении «Семь пятниц на неделе» (имелось в виду, по видимому, что он как фигляр готов быть шутком на потеху публики). А.С. Пушкин добавил к ней имя «Видок», принадлежавшее знаменитому французскому преступнику, который позднее стал сотрудником полиции.

Называя писателя, журналиста, критика и издателя польского происхождения Ф.В. Булгарина «Фиглярин» неизвестный автор следующей эпиграммы благодаря семантическому каламбуру высмеивает многосторонность личности адресата: *Фиглярин рад сказать, что был кавалеристом; //Фиглярин рад прослыть хорошим журналистом, // <...> Но на коне он смотрит журналистом, //В журнале ж рубит смысл лихим кавалеристом //И выезжает на вранье* (неизвестный автор). В данных эпиграммах поэтонимы выпол-

няют эмоционально-стилистическую функцию, проявляющуюся в способности имени собственного выражать авторскую позицию и формировать эмоционально-оценочное отношение к изображаемому лицу.

В своих эпиграммах, адресованных Булгарину, П.А. Вяземский тоже называет литературного противника Видоком Фигляриным: *Недоумением напрасно ты смущен://Гостиная – одно, другое есть салон. <...>//Салоны ж созданы для избранных людей. //Гостиные видал и ты, Видок-Фиглярин //В гостиной может быть и ты какой-то барин, //Но уж в салоне ты решительно лакей* (П.А. Вяземский); *Я знал давно, что подл Фиглярин, //Что он поляк и русский сплошь, //Что завтра будет он татарин, //Когда б за то ему дать грош; //Я знал, что пошлый он писатель, //Что усыпляет он с двух строк, //Что он доносчик и предатель //И мелкотравчатый Видок <...>* (П.А. Вяземский). Эти авторские поэтонимы имеют ярко выраженную эмоционально-экспрессивную окраску негативного характера.

По происхождению Ф.В. Булгарин был поляк; он начал военную службу в русской армии, затем бежал в Варшаву и вступил в ряды польского легиона, сражавшегося на стороне армии Наполеона против России. Ф.В. Булгарина за его приспособленчество и частую смену взглядов А.С. Пушкин сравнил с флюгером и нарек Флюгариним: *Не то беда, Авдей Флюгарин, //Что родом ты не русский барин, //Что на Парнасе ты цыган, //Что в свете ты Видок Фиглярин: //Беда, что скучен твой роман* (А.С. Пушкин).

В приведенных выше эпиграммах подчеркнем значимость творческого решения автора после закрепления за именами собственными дополнительных коннотаций, которые наполнили экспрессивностью художественные образы.

В эпиграмме, направленной против журналиста М.Т. Каченовского, Пушкин называет Тредьяковского «древним Кочерговским» (изменение фамилии Каченовского произошло ради печати), а Каченовского – «дней новейших Тредьяковским»: *Там, где древний Кочерговский //Над Ролленем опочил, //Дней новейших Тредьяков-*

ский //Колдовал и ворожил: //Дурень, к солнцу став спиною, //Под холодный «Вестник» свой //Прыскал мертвою водою, //Прыскал ижицу живой (А.С. Пушкин). Смысл данной эпитаграммы в том, что «дурень», журналист М.Т. Каченовский, делает все неправильно: к солнцу, как к истинному знанию, становится спиной, пытается оживить мертвой водой свой журнал «Вестник Европы». В то же время он пытается оживить букву «ижица», давно вышедшую из употребления: тем самым поэт намекает на архаическую реформу правописания, проводимую журналом. Семантическое обыгрывание фамилии Каченовского обусловлено авторским отношением к реальному человеку, который является адресатом эпитаграммы.

Другая эпитаграмма на Каченовского начинается с обращения к адресату: *Хаврониос! Ругатель закоснелый, //Во тьме, в пыли, в презренье поседельи, //Уймись, дружок, к чему журнальный шум //И пaskвилей томительная тупость? <...>* (А.С. Пушкин). Хаврониос в данном случае происходит от слова «Хавронья», стилизованного под греческую форму. Широко был известен тот факт, что М.Т. Каченовский, адресат эпитаграммы, был по происхождению грек. Поэтоним «Хавронья» отсылает к басне И.А. Крылова «Свинья», где Хавроньей назван придирчивый критик: *Не дай бог никого сравненьем мне обидеть! //Но как же критика Хавроньей не назвать, //Который, что ни станет разбирать, //Имеет дар одно худое видеть?* Контекстуально-ситуативное переосмысление имени «Хавронья» в переносном значении содействует саркастической насмешке над адресатом. На примере данных эпитаграмм мы видим, как посредством поэтонимов авторы ориентируют реципиента в пространстве текста, где литературные имена собственные связаны с внутритекстовыми ассоциациями, связанными с культурно-историческим содержанием.

В цикле эпитаграмм «Поэтический венок Шутовского...» П.А. Вяземский семантически обыгрывает фамилию автора легковесных комедий князя Шаховского: *Напрасно, Шутовской, ты отдыха не знаешь, //За неудачами от неудач спешишь: //Комедией друзей ты плакать заставляешь, //Трагедией ты зрителя смешишь.* Имена

собственные в контексте текстового материала эпиграмм П.А. Вяземского приобретают особые оттенки значения, меняя свой исходный план содержания.

На семантико-ассоциативной игре имен и фамилий адресатов могут быть построены ономастические каламбуры: *Не дается боле слава, //Бедной музе Болеслава, //И она, впадая в детство, //Избрала плохое средство//Отличиться перед россом //Обстоятельным доносом* (Д.Д. Минаев). Болеслав Маркевич был реакционным публицистом и беллетристом, автором антинигилистических романов. Его фельетон «С берегов Невы» был прямым политическим доносом на Тургенева, которого Маркевич обвинял в связях с революционерами.

Каламбурное обыгрывание семантики фамилий встречается и в эпиграммах других авторов: *Невзоров, //Престань писать так много вздоров! //Поверь, никто не остановит взоров //На книге, где прочтет: писал Максим Невзоров* (П.А. Вяземский). Эпиграмма направлена против литератора, издателя журнала «Друг юношества» М.И. Невзорова, выбирающего для своих произведений нравственно-религиозные темы. Приведем еще один пример остроумной надписи на заглавном листе сборника стихотворений Н.В. Неведомского: *Поэт – Неведомский, не ведомый никем, //Печатает стихи неведомо зачем* (П.И. Колошин). Как видим, поэтонимы в эпиграммах получают способность семантизироваться, меняя исходный план содержания и приобретая контекстуально обусловленные оттенки смысла.

В эпиграмме А.С.Пушкина каламбурно осмысливается имя Ф.Н. Глинки, поместившего в «Северных цветах» два стихотворных переложения псалмов: *Наи друг Фита, Кутейкин в эполетах, //Бормочет нам растянутый псалом. //Поэт Фита, не становись Фертом! //Дьячок Фита, ты Ижица в поэтах* (А.С. Пушкин). Имя «Федор» писалось в то время через фиту, предпоследнюю букву старого русского алфавита, Ф – один из псевдонимов Глинки. Поэт иронически наделяет офицера Глинку фамилией дьячка из фонвизинского «Недоросля». Переложения псалмов — излюбленный жанр Глинки, нередко впадавшего в многословие. Намекая на пате-

тичность поэтического слога переложений Глинки, автор советует ему «не становиться фертом», то есть не важничать. Пушкин называет Глинку «Ижицей в поэтах», сопоставляя место адресата в литературе с местом последней буквы старого русского алфавита.

Комический эффект может строиться на ассоциативном столкновении одинаково звучащих слов с фамилией адресата, например, в эпиграммах на В. Кокорева и И.Л. Горемыкина: *Вот имя славное. С дней откупов известно // Оно у нас – весь край в свидетели зову; // В те дни и петухи кричали повсеместно: // Ко-ко-ре-ву... (Д. Минаев); Друг, обманчивой надежде // Понапрасну ты не верь: // Горе мыкали мы прежде, // Горе мыкаем теперь (Неизвестный автор)*. Поэтони́мы выступают в эпиграммах выразительным характеризующим средством, несущим информацию об адресатах и способствующим интерпретации авторского замысла.

Приводимая ниже эпиграмма Ф.И. Тютчева была вызвана мероприятиями по усмирению студенческих волнений, проведенными Г.И. Филиппсоном, в прошлом казачьим атаманом: *Он прежде мирный был казак, // Теперь он попечитель дикий; // Филиппов сын – положим, так, // А всё не Александр Великий (Ф.И. Тютчев)*. Ономастический каламбур «Филиппов сын» (перевод с немецкого фамилии Филиппсон) основан на том, что сыном македонского царя Филиппа был знаменитый полководец Александр Македонский.

Каламбурное расчленение фамилии Шишкова в эпиграмме П.А. Вяземского способствует тонкой насмешке над адресатом: *Шишков недаром корнеслов; // Теорию в себе он с практикою вяжет: // Писатель, вкусу шиши он кажет, // А логике он строит ков (П.А. Вяземский)*. Поэт называет А.С. Шишкова корнесловом, так как последний пытался внедрить в язык неологизмы, произведенные от исконно русских корней. Вторая часть фамилии адресата «ков» имеет значение «подвох, коварство». В данной эпиграмме функционально-эстетическая ценность поэтони́ма проявляется в организации пространства художественного текста.

В эпиграммах на литераторов часто усекается имя великого романиста Вальтера Скотта, в результате чего фамилия приобретает

ет семантику «грубый, невоспитанный человек»: <...> *Писатель гордый, издавая, //Мнил быть наш новый Вальтер Скотт. //К чему фамилия двойная? //Ему довольно, повторяя, //Одной последней без хлопот* (Неизвестный автор); *Все говорят: он Вальтер Скотт, //Но я, поэт, не лицемерю. //Согласен я: он просто скот, //Но, что он Вальтер Скотт, – не верю* (Неизвестный автор). Первые две эпиграммы направлены против Ф.В. Булгарина, иронически названного «своим британцем», то есть отечественным Вальтер Скоттом. Третья эпиграмма адресована А.А. Шаховскому и написана по поводу сценической переделки романа В.Скотта «Айвенго» под заглавием «Иваной, или Возвращение Ричарда Львиное Сердце».

Каламбурное переосмысление семантики фамилий адресатов встречается в эпиграмме Н.П.Огарева: *Длинный Панин повалился, //Муравьев не угодил, //Голохвастов сокрушился, //Хоть не Лжедимитрий был; //И Зиновьев лопнул тоже, – //Прочь пошли, не видя зги, //С попечительского ложа //Просвещения враги. //Кто ж наместо сих Омаров //К должности назначен сей? //Это просто граф Уваров, //Граф Уваров Алексей* (Н.П. Огарев). Написание эпиграммы связано с назначением А.С. Уварова попечителем Московского учебного округа. А.Н. Панин, В.Н. Муравьев, Д.П. Голохвастов, П.В. Зиновьев названы Омарами (врагами просвещения): по преданию, Халиф Омар ибн Хаттаб, взяв штурмом Александрию, сжег знаменитую Александрийскую библиотеку.

В эпиграмме неизвестного автора от фамилий министров внутренних дел «образованы» глаголы с однозначной негативной семантикой: Д.А. Толстой – граф, министр внутренних дел, а В.Д. Заика, В.К. Плеве, И.Н. Дурново – его помощники: *Большой сумбур российских дел //Толстой исправить захотел, //В помощники правленья своего //Он взял Заику, Плеве, Дурново. //Что же? И при нем Россия не толстеет, //А заикается, плюется и дурнеет* (Неизвестный автор).

Таким образом, отбор и включение ономастической лексики в текстовое пространство художественных произведений – процесс целенаправленный, служащий выражению авторских интенций.

Поэтонимы являются неотъемлемым компонентом семантико-стилистической системы словоупотребления эпиграммистов, которые, начиная с имен обобщенных лиц с определенными нравственными недостатками, приходят к использованию авторских поэтонимов, каламбурно обыгрывающих реальные имена и фамилии адресатов.

Список литературы

1. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959. 656 с.
2. Калинин В.М. От литературной ономастики к поэтонимологии // Логос ономастики. 2006. № 1. С. 81–88.
3. Калинин В.М. Поэтика онима. Донецк: Издательство Донецкого государственного университета, 1999. 408 с.
4. Карпенко М.В. Русская антропонимика. Конспект лекций спецкурса. Одесса: Одесский государственный университет им. И.И. Мечникова, 1970. 230 с.
5. Карпенко Ю.А. Имя собственное в художественной литературе // Филологические науки. 1986. № 4. С. 34–40.
6. Никонов В. А. Имя и общество. М.: Наука, 1974. 278 с.
7. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. 187 с.
8. Русская эпиграмма второй половины XVII – начала XX в. Л.: Сов. писатель, 1975. 968 с.
9. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: Монография. Волгоград: Перемена, 2000. 172 с.
10. Фоянкова О.И. Имя собственное в художественном тексте. Учебное пособие. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 103 с.
11. Donnellan K.S. Proper Names and Identifying Descriptions // The Semantics of Natural Language / Ed. by D. Davidson, G. Harman. Dordrecht: Reidel, 1972. 293 p.
12. Grudeva E.V. Electronic dictionary of quotes as a way to enhance cultural literacy // Life Science Journal. 2014. № 12(12s), pp. 616–619.

13. Jarema G., Libben G., Kehayia E., Evrard M. Ageing and lexical access to common and proper names in picture naming // *Brain and Language*. 2002. V. 81. № 1-2-3, pp. 174–179.
14. Mzhelskaya O.K. The way national mentality influences the process of proper names appellativation and phraseologization // *SWorld Journal*. 2013. V.21315, pp. 380–395.
15. Yerysh L.A. Possible worlds as a macrocontext of connotative proper names functioning // *SWorld Journal*. 2013. T. 21315, pp. 180–200.

References

1. Vinogradov V.V. *O yazyke khudozhestvennoy literatury* [On the language of fiction]. M.: Goslitizdat, 1959. 656 p.
2. Kalinkin V.M. Ot literaturnoy onomastiki k poetonimologii [From literary onomastics to poetology]. *Logos onomastiki* [Logos of onomastics]. 2006. № 1, pp. 81–88.
3. Kalinkin V.M. *Poetika onima* [Poetics of names]. Donetsk: Donetsk State University Publishing House, 1999. 408 p.
4. Karpenko M.V. Russkaya antroponimika [Russian anthroponymics]. *Konspekt lektsiy spetskursa* [Lecture notes of the special course]. Odessa: Odessa State University named after I.I. Mechnikov, 1970. 230 p.
5. Karpenko Yu.A. Imya sobstvennoye v khudozhestvennoy literature [The proper name in fiction]. *Filologicheskiye nauki* [Philological Sciences]. 1986. № 4, pp. 34–40.
6. Nikonov V.A. *Imya i obshchestvo* [The name and society]. M.: Nauka, 1974. 278 p.
7. Podol'skaya N.V. *Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian onomastic terminology]. M.: Nauka, 1988. 187 p.
8. *Russkaya epigrama vtoroy poloviny XVII – nachala XX v.* [Russian epigram of the second half of the XVII – early XX century]. L.: Sov. pisatel', 1975. 968 p.
9. Suprun V.I. *Onomasticheskoye pole russkogo yazyka i yego khudozhestvenno-esteticheskij potentsial* [Onomastic field of the Russian language and its artistic-aesthetic potential]: Monograph. Volgograd: Peremena, 2000. 172 p.

10. Fonyakova O.I. *Imya sobstvennoye v khudozhestvennom tekste* [The proper name in the artistic text]. Tutorial. L.: Leningrad State University Publishing House, 1990. 103 p.
11. Donnellan K.S. Proper Names and Identifying Descriptions. *The Semantics of Natural Language* Dordrecht: Reidel, 1972. 293 p.
12. Grudeva E.V. Electronic dictionary of quotes as a way to enhance cultural literacy. *Life Science Journal*, no 12(12s) (2014): 616–619.
13. Jarema G., Libben G., Kehayia E., Evrard M. Ageing and lexical access to common and proper names in picture naming. *Brain and Language*, Volume 81 no 1-2-3 (2002): 174–179.
14. Mzhelskaya O.K. The way national mentality influences the process of proper names appellativation and phraseologization. *SWorld Journal*, no 21315 (2013): 380–395.
15. Yerysh L.A. Possible worlds as a macrocontext of connotative proper names functioning. *SWorld Journal*, no 21315 (2013): 180–200.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Рыбакова Анна Александровна, доцент кафедры педагогики и технологий дошкольного и начального образования, кандидат филологических наук
*Армавирский государственный педагогический университет
ул. Розы Люксембург, 159, г. Армавир, Краснодарский край,
352900, Российская Федерация
annfisher@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Rybakova Anna Aleksandrovna, Associate Professor, Department of Pedagogy and Technologies of Preschool and Primary Education, Ph. D. in Philology
*Armavir State Pedagogical University
159, Rosa Luxemburg Str., Armavir, Krasnodar Region, 352900,
Russian Federation
annfisher@mail.ru
SPIN-code: 3954-8380
ORCID: 0000-0001-9761-2932*